

Роман Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» был впервые опубликован в 2001 году, а 4 июня 2026 года за это произведение он получил в России иностранную литературную премию «Ясная Поляна». Когда в 2023 году роман вышел в издательстве «Чжэцзянское литературно-художественное издательство», мы с братом впервые прочитали его в электронном виде. Перед началом чтения мы советуем вам сначала ознакомиться с подробным разбором романа (основанным на книге Су Бая «Понять романы Мо Яня» и дополненным нашими собственными замечаниями). Иначе при первом чтении легко запутаться в разрозненной манере повествования или растеряться из-за неожиданно появляющихся во второй части романа исторических реалий, таких как Боксерское восстание и Юань Шикай. Желаем вам отыскать в океане литературы своего собственного Гамлета! Спасибо, что в мире ещё существует литература!

—— Го Вэйхэ, Го Вэйпэн
Студенты 4 курса института РКИ РГПУ им. А. И. Герцена
04.06.2026

Глава первая

Колесо истории и трагическая песнь отдельной судьбы

На рубеже XIX и XX веков Китай, где доживала последние дни одряхлевшая Цинская империя, сотрясали невиданные прежде потрясения. Западные державы своими пушками и кораблями не только взломали морские ворота древней страны, но и превратили её внутренние районы в передний край капиталистической экспансии и культурных столкновений. Действие романа «Смерть пахнет сандалом» как раз и уходит корнями в эту эпоху, сотканную из унижений и сопротивления.

Строительство немцами Цзяоцзиской железной дороги в Шаньдуне стало камнем, брошенным в тихое озеро и вызвавшим мощную ответную рябь. В глазах колонизаторов эта дорога была продолжением современной цивилизации и коммерческих интересов, но для людей, веками живших на этой земле, она превратилась в зловещее сооружение, перерезавшее «драконовы жилы» и тревожившее покой предков. За этим, на первый взгляд, тёмным суеверием на самом деле скрывался бурный протест, рождённый искренней привязанностью к родной земле и оскорблённым национальным достоинством. Когда

противоречия накопились до предела, вспыхнуло мощное народное движение — Боксерское восстание, которое, точно сухой хворост от пламени, мгновенно охватило всё вокруг. Мо Янь избрал местом действия свой родной уезд Гаоми, спрессовав эту бурную историю в судьбы нескольких обычных людей. Через их любовь и ненависть, жизнь и смерть он отразил боль и крик целого поколения.

Повествование романа с самого начала пронизано напряжённым предчувствием надвигающейся грозы. Центральный герой — Сунь Бин, глава народной театральной труппы «Маоцян» («Кошачья опера»), человек, пользовавшийся в деревне огромным уважением. Его связь с невесткой Сунь Мэйнян с точки зрения морали была постыдным скандалом, однако под пером Мо Яня она предстаёт как выплеск первобытной жизненной силы, как искреннее чувство, разрывающее оковы конфуцианских запретов. Но эта идиллическая тишина быстро рухнула с приходом немцев. Издевательства немецких солдат над женой Сунь Бина и её убийство стали той искрой, что зажгла в его груди ярость.

Здесь переплелись личная месть и национальная ненависть, унижение одного человека слилось с угрозой гибели всего народа. Сунь Бин перестал быть просто актёром — он поднялся и стал вождём восстания. Опираясь на свою народную славу и личную харизму, он поднял знамя борьбы, собрал вокруг себя односельчан, не желавших мириться с унижениями, и с самым примитивным оружием, голыми руками пошёл против иностранных ружей и пушек. Эта борьба, напоминавшая попытку разбить камень яйцом, была с самого начала обречена на трагический финал, но это ничуть не умаляет её духовной возвышенности и трагического величия.

За восстанием Сунь Бина стояли гнилость и бессилие цинского правительства. Бюрократическая верхушка — губернатор Шаньдуна Юань Шикай и уездный начальник Гаоми Цянь Дин — перед лицом народных страданий и иноземного вторжения думала не о национальных интересах, а о том, как сохранить собственную власть и выгоду. Внутри страны они жестоко подавляли любое сопротивление, а перед иностранцами раболепствовали. В их глазах движение, возглавленное Сунь Бином, было не патриотическим поступком, а «бандитской смутой», нарушавшей местный порядок. Поэтому, когда восстание подавили и Сунь Бин попал в плен, его ожидала тщательно спланированная публичная казнь, призванная утратить весь народ. А исполнителем казни выступил ещё один ключевой персонаж — Чжао Цзя, последний палач Китая.

Чжао Цзя олицетворяет древнюю и жестокую технологию власти, эстетику насилия, превращающую смерть в ритуал. Он и Сунь Бин — один воплощает бурлящую народную жизненную силу и дух протеста, другой — ледяную репрессивную волю государственной машины. Их противостояние составляет самый главный драматический конфликт романа «Смерть пахнет сандалом». Через описание этого противоборства, развернувшегося вокруг «сандаловой казни», Мо Янь глубоко раскрывает, как под грандиозными историческими нарративами скрывается зыбкость и горечь отдельной судьбы и какую

поразительную силу способен явить человек в безвыходном положении. Этот роман — не просто обращение к прошлому, но и глубокий вопрос, обращённый к человеческой природе, власти и народному духу.

Глава вторая

Искусство палача и звериный оскал власти

В полном звуков и красок литературном полотне «Смерть пахнет сандалом» палач Чжао Цзя — фигура, от которой мороз пробирает по коже, но которую невозможно обойти вниманием. Он не просто орудие убийства, а последний носитель древнего ремесла, мастер, возведший пытку в ранг «искусства». Тщательно выписывая этот образ, Мо Янь глубоко исследует, как власть уродует человеческую природу, и обнажает леденящую душу культурную подоплёку, что прячется за эстетикой насилия.

Чжао Цзя — крайнее воплощение государственной власти, и каждая его казнь — тщательно поставленный спектакль, призванный через запредельную физическую муку явить миру абсолютное верховенство и неприкосновенность императорского трона. В его вселенной нет простого деления на добро и зло — есть лишь степень мастерства и неукоснительное следование «заветам предков». Эта маниакальная преданность ремеслу постепенно вытеснила из него всё человеческое, заменив его ледяным профессионализмом, искалечив и умертвив душу.

Судьба «искусства» Чжао Цзя неразрывно связана с маньчжурской династией. Когда-то он был знаменитейшим палачом столицы, пользовался благосклонностью самой вдовствующей императрицы Цыси и купался в лучах славы. Пытки, которыми он владел, — «линчи» и «засов князя тьмы» — были нужны не просто чтобы лишить преступника жизни; главное было в том, чтобы растянуть умирание, породить предельный ужас и страдание и тем самым запугать народ и укрепить пошатнувшуюся власть. В романе Чжао Цзя с бахвальством описывает своё ремесло, и от этих подробностей кровь стынет в жилах. Он способен с ювелирной точностью контролировать глубину каждого надреза, чтобы осуждённый оставался в сознании после сотен ударов ножа, и даже вступает с жертвой в чудовищный безмолвный диалог во время казни. Эта болезненная заворожённость деталями уродливо сплавляет жестокость и эстетику в единое целое.

Крики и вздохи толпы — такая же обязательная часть этого жестокого представления. Народ, сбегаящийся поглазеть на казнь, испытывает не только трепет перед властью, но и переживает момент коллективного бессознательного катарсиса, извлекая из чужой нечеловеческой муки извращённое наслаждение. В этом, без сомнения, кроется убийственно точная критика оцепенелой, пропитанной невежеством психологии тогдашнего общества.

Однако сложность фигуры Чжао Цзя в том, что он не исчадие ада в чистом виде. У него есть семья, ему не чужды обычные чувства. Он сват Сунь Бина и свёкор Сунь Мэйнян. Эта хитроумная паутина человеческих связей ещё ту же

затягивает драматургический узел романа. Когда ему приказывают подвергнуть собственного свата самой изуверской «сандаловой казни», наружу прорываются его внутренние терзания и душевный раскол. С одной стороны, он обязан подчиниться власти и создать работу, которая увенчает его карьеру палача; с другой — родственные узы не позволяют убить в себе человека до конца. Этот внутренний надлом и есть самое правдивое свидетельство того, как власть калечит личность. Он пытается заглушить душевную смуту совершенством ремесла, обрядив жестокое убийство в одежды художественного акта жертвоприношения. Изобретённая им «сандаловая казнь», при которой тело жертвы насквозь пронзают смоченным в масле сандаловым стержнем, обрекая на медленную и мучительную смерть, сама по себе глубоко ориентальна, пронизана зловещей обрядностью. Она — символ изощёренной жестокости, традиции ужаса, возведённой в ранг культурного явления.

В конечном счёте судьба Чжао Цзя исполнена горькой иронии. Всю жизнь гордившийся искусством казни, он в итоге сам пал жертвой той же логики безжалостной государственной машины, которой служил. Уродливое ремесло — придаток деспотической власти — исчезло вместе с закатом целой эпохи, обратившись в прах и оставив потомкам лишь горькое и неотступное напоминание о том тёмном прошлом.

Глава третья

Лебединая песнь «кошачьей оперы» и крик народной души

Если в мире «Смерть пахнет сандалом» пытка — это ледяной, безжалостный голос власти, то «кошачья опера» — тёплая, гибкая и пронзительно-печальная ария самого народа. Эта местная театральная форма, вымышленная Мо Янем и рождённая на северо-востоке Гаоми, служит душой всего романа, его сквозной нитью. Она не просто музыка, а сосуд, в котором живёт духовный мир и сокровенные чувства простых людей, само воплощение их жизненной силы. Мелодии «кошачьей оперы» то взмывают ввысь, яростные и страстные, то звучат надрывно и скорбно, выплакивая до дна человеческие радость и гнев, любовь и разлуку. Благодаря ей книга, полная крови и насилия, насквозь пронизана глубинным током человечности — несокрушимой силой, что поднимается из самых недр земли.

Главный герой Сунь Бин и есть самый блестящий наследник «кошачьей оперы». Хозяин труппы, на сцене он играл императоров, полководцев и героев, а в жизни и сам был под стать легендарным персонажам. Голос его уподобляли небесной музыке — говорили, он мог заставить «бесчувственный камень закивать в такт, а сухое дерево — пустить ростки». Односельчане души в нём не чаяли и видели в нём духовного вождя. «Кошачья опера» была для них не просто развлечением, а настоящей верой. В самые чёрные времена именно её песни дарили утешение и надежду. Художественный дар Сунь Бина питался самым искренним переживанием жизни. В его пении слышался запах земли и аромат гаолянового вина, пульсировали бесхитростные чувства простых людей.

Сунь Бин и «кошачья опера» слились в одно целое, он стал живым воплощением её духа. А дух этот дикий, вольный, умеющий страстно любить и люто ненавидеть, восстающий против любой несправедливости. Когда пришёл внешний враг и родной очаг был поруган, превращение Сунь Бина из артиста в вождя сопротивления стало совершенно естественным продолжением его натуры.

Когда же его схватили и приговорили к сандаловой казни, «кошачья опера» сделалась его последним оружием. С молчаливого попустительства уездного начальника Цянь Дина место казни, призванное явить устрашающую мощь власти, непостижимым образом обернулось сценой для леденящего душу концерта. Пригвождённый к сандаловому колу, собрав последние силы угасающей жизни, Сунь Бин запел самую блистательную и самую трагически-великую лебединую песнь в своей судьбе. Голос, пронзая запредельную физическую муку, взмывал к небесам. Он пел о своей доле, о своей любви, о своей борьбе, о земляках с северо-востока Гаоми. Это пение было презрением к жестокому режиму, защитой человеческого достоинства, высочайшим гимном негибавшему народному духу. В этот миг Сунь Бин перестал быть жертвой — он стал великим актёром, свободно творящим на собственных подмостках, народным героем, который поёт, сгорая дотла. Его песня заразила всех, кто там был, — даже врагов. Оцепенелая прежде толпа зевак пережила глубокое потрясение; в пении Сунь Бина люди услышали голос собственного сердца, и в них проснулась дремавшая ярость. А «пыточное искусство» палача Чжао Цзя на фоне этой сокрушающей песни показалось до смешного бледным и ничтожным. «Кошачья опера» в итоге пересилила пытку, а народный дух восторжествовал над деспотической властью. Тело Сунь Бина погибло, но его песнь, его несокрушимый народный дух навеки остались на земле северо-восточного Гаоми — немеркнувшей героической поэмой.

Глава четвёртая

Любовь и страсть Мэйнян, или как расцветает женская сила

В «Смерть пахнет сандалом» — романе, где господствует мужское начало и всё пропитано кровью и брутальностью, — Сунь Мэйнян фигура совершенно особенная и ослепительно яркая. Её неистовая страсть, дерзкий нрав и независимое, обогнавшее своё время самосознание делают её одним из самых жизнелюбивых персонажей книги. Она — тот узел чувств, что связывает трёх мужчин: палача Чжао Цзя, актёра Сунь Бина и уездного начальника Цянь Дина, и её поступки во многом движут сюжет. Создавая этот женский образ, Мо Янь не только показывает пробуждение женского тела и желания в эпоху гнетущих запретов, но и воспекает стойкость и мудрость, которые рождаются в женщинах перед лицом страдания, — ту могучую силу, что способна на равных противостоять мужскому миру.

С первого появления Мэйнян окружена аурой дикой, неприручённой натуры. Она невестка палача Чжао Цзя, и при этом её отношения со свёкром

окутаны двусмысленностью, а с актёром Сунь Бином — названным отцом её мужа — её и вовсе связывает преступная страсть. Для традиционной морали такая связь абсолютно нетерпима и чудовищна. Но Мо Янь с почти любующимся изумлением рисует её как естественный выплеск первобытной жизненной энергии. Тело Мэйнян свободно, её чувства подлинны. Она отваживается прорвать оковы феодальных приличий и смело идти за своей любовью. Её чувство к Сунь Бину — страсть, граничащая с поклонением: здесь и преклонение перед героем, и упоение искусством, и плотское влечение. Эта любовь чиста и горяча, она — самый стержневой двигатель её жизни. Ради спасения Сунь Бина она готова заплатить любую цену, лавируя между несколькими мужчинами, в чьих руках власть, и ведя с ними отчаянную игру, в которой ставкой становятся её тело и разум.

В попытках спасти Сунь Бина Мэйнян проявляет потрясающую смелость и изобретательность. Сначала она пытается воспользоваться слепой привязанностью свёкра Чжао Цзя и уговорить его отказаться от казни или хотя бы проявить снисхождение. Когда этот путь оказывается закрыт, она обращает взор на уездного начальника Гаоми — Цянь Дина. Она мгновенно угадывает его внутреннюю слабость, душевный разлад и скрытое вожделение к ней и делает собственное тело ставкой в сделке с ним. Она отдаётся Цянь Дину в обмен на обещание выволить Сунь Бина. И в этой сделке Мэйнян отнюдь не пассивная жертва — она сама управляет ситуацией. Она трезво осознаёт, что делает, и каждый её шаг навстречу мужчине — это намеренный удар, акт сопротивления, полный ума и отваги. Самое хрупкое женское тело превращается в её руках в самое острое оружие. Её связь с Цянь Дином — одновременно и любовная лихорадка, и политический поединок. В конце концов ей удаётся склонить Цянь Дина к тому, чтобы вместе с ней обратить казнь Сунь Бина в буйное торжество народного духа. Это, без сомнения, великая победа женской силы. Своим особым путём Мэйнян совершает бунт против патриархального общества. Собственной любовью и страстью она слагает гимн женской жизни и доказывает, что в самую тёмную эпоху женщина вовсе не безгласный придаток — она владеет грандиозной силой менять судьбу и сотрясать историю.

Глава пятая

Душевные муки Цянь Дина и судьба интеллигента

Уездный начальник Гаоми Цянь Дин — самый сложный и противоречивый персонаж «Смерть пахнет сандалом». Он одновременно и винтик в машине цинской власти, и интеллигент с не до конца уснувшей совестью. В нём сконцентрированы вся растерянность, метания и конечный трагический удел традиционного учёного-чиновника в эпоху колоссальных потрясений. Начитанный, впитавший классические книги, он носит в душе смутный идеал «народ превыше государя» и пытается в смутное время оставаться честным служащим, приносить хоть какую-то пользу. Однако под давлением начальства, перед лицом иноземного произвола и бурлящего народного гнева он

обнаруживает, что зажат между множеством сил и не в силах пошевелиться. Его душа — поле брани, на котором сталкиваются долг блюстителя государственного порядка и зов идущей снизу народной правды и личных чувств. Этот непримиримый конфликт в конце концов сталкивает его в бездну.

Отношения Цянь Дина с Сунь Бином — ключ к пониманию его внутреннего мира. Он восхищается искусством «кошачьей оперы» и видит в Сунь Бине родственную душу. В пении Сунь Бина он находит ту подлинность и тот огонь, которых начисто лишена чиновничья жизнь, — бьющую через край живую народную силу. Это восхищение перешагивает через сословные барьеры и разницу в положении, оно — чистый художественный резонанс и духовное притяжение. Однако когда Сунь Бин становится вождём восстания и переходит на сторону врага престола, Цянь Дин погружается в мучительнейшие страдания. Как уездный начальник он обязан выполнить приказ свыше: схватить Сунь Бина и предать закону. Это ставит его перед жестоким выбором между чувством и долгом. Он не хочет причинять вред другу, но не может и пойти против приказа, олицетворяющего государственную волю. Каждое его решение превращается в безжалостный допрос самому себе. Он пытается найти равновесие — сохранить Сунь Бину жизнь и одновременно отчитаться перед начальством, — но перед лицом жестокой политической реальности эта идея оказывается наивной и бессильной.

Появление же Сунь Мэйнян до конца обнажает потаённые желания и слабость Цянь Дина. Он пленён её красотой, и эта страсть пробивает брешь в его моральной обороне. Мэйнян именно этим и пользуется, втягивая его в план спасения Сунь Бина. В сделке с ней Цянь Дин шаг за шагом отрекается от принципов государственного мужа. Сперва он лишь пассивно поддается, но позже уже сам участвует в замысле, пытаясь превратить смерть Сунь Бина в инсценировку «мнимой гибели». В финале же, на месте казни, лебединая песнь Сунь Бина и негибаемое упорство Мэйнян пронимают его до глубины души, и долго сдерживаемая совесть пробуждается в полную силу. Он совершает поразительный поступок — убивает немецких солдат, прибывших следить за экзекуцией, и собственного начальника, открыто порывая с династией и тем самым гнилым сословием, которое сам представлял. В этот миг он перестаёт быть вечно колеблющимся, слабодушным бюрократом и становится трагическим героем, принёсшим себя в жертву ради справедливости и дружбы. Своей смертью он на деле воплощает древний интеллигентский идеал «пожертвовать жизнью во имя долга». Трагедия Цянь Дина в том, что он родился не в ту эпоху. Его личная совесть не способна была тягаться с чудовищной государственной машиной, а реформистские иллюзии вдребезги разбились о кровавую действительность. Его судьба — это судьба в миниатюре бесчисленных китайских интеллигентов, которые носили в себе высокие идеалы, но были поглощены тёмной реальностью; судьба, что заставляет глубоко задуматься и горько вздохнуть.

Глава шестая

Звуковая феерия и театр казни

Одна из самых поразительных черт «Смерть пахнет сандалом» — виртуозное, почти колдовское обращение Мо Яня со звуком. Весь роман выстроен как огромная сцена, где сталкиваются, переплетаются и гремят десятки голосов и шумов, создавая грандиозную слуховую симфонию. Тут и раздирающий небо напев «кошачьей оперы» в устах Сунь Бина, и ледяное лязганье инструментов палача Чжао Цзя, и чугунный грохот поезда, вгрызающегося в рельсы, и кипение толпы, сбежавшейся на казнь. Все эти звуки — вовсе не декоративный фон. Они — полноправная часть повествования, главный носитель чувств и идей. Мо Янь отказывается от привычного всезнающего рассказчика и выстраивает многоголосую, полифоническую структуру. Герои по очереди выходят на авансцену и собственными голосами, от первого лица, ведут свой рассказ. Этот «хор голосов» взламывает единую, авторитарную правду и делает картину выпуклой, предельно субъективной и заряженной драматизмом.

Композицию романа сам писатель в шутку называл «голова феникса, брюхо свиньи, хвост леопарда» — это прямая отсылка к строению традиционной китайской оперы. Начало — «голова феникса» — складывается из арий и речитативов Мэйнян, Чжао Цзя, Цянь Дина и мгновенно, точно роскошная увертюра, обнажает перед читателем клубок отношений и главный узел противоречий. Середина — «брюхо свиньи» — переходит на классическое третьеличное повествование: здесь обстоятельно, густо и сытно разворачиваются причины и следствия событий. Финал — «хвост леопарда» — вновь возвращает нас к исповедальному «я» героев и на высшей точке казни доводит столкновение голосов до предела, резко обрывая рассказ, но оставляя долгое, вибрирующее эхо. Такая мастерская композиция превращает само чтение в ритмически организованное, почти музыкальное переживание. Кажется, будто не роман читаешь, а смотришь и слушаешь захватывающую местную драму, полную страсти и голоса.

Противостояние звуков и составляет сокровенный драматургический конфликт книги. На одной чаше весов — «кошачья опера», голос народной жизненной мощи. Пение Сунь Бина — это дыхание земли, звук живой души, полный чувства и тепла. На другой чаше — голоса, в которых отлита государственная власть. Палач Чжао Цзя, прежде чем приступить к делу, особым, лишённым эмоций тоном произносит «четыре великих строгости» — слова, пронизанные ритуалом, но абсолютно мёртвые и безжалостные. Команда Юань Шикая на военном смотре — короткая, хлёсткая, безликая речь армейской машины. Паровозный гудок немецкого поезда — резкий, пронзительный, режущий ухо сигнал вторгающейся индустриальной цивилизации. За каждым из этих звуков стоит не терпящая возражений воля к власти. И кульминация романа — это именно решающий поединок двух звуковых стихий. На лобном месте, где вершится сандаловая казнь, пение

«кошачьей оперы» Сунь Бина вступает в последнюю битву с пыточным ремеслом Чжао Цзя. И перед нами уже не просто схватка двух людей, а столкновение двух мировоззрений, двух философий существования. В конечном счёте «кошачья опера», пронизанная человеческим теплом и светом, своей огромной заразной силой заглушила голос бесчеловечной пытки. Этой грандиозной звуковой феерией Мо Янь обнажает глубинную истину: любая власть, пытающаяся насильем подавить человеческую природу, в конце концов неизбежно рассыплется в прах под искренним пением народа, льющемся из самой души.

Глава седьмая

Изображение пыток и осмысление эстетики насилия

С момента выхода романа «Смерть пахнет сандалом» самые ожесточённые споры вызывают его подробные, не знающие устали описания всевозможных жестоких пыток. От «линчи» до «засова князя тьмы» и, наконец, до вынесенной в заглавие «сандаловой казни» — Мо Янь с ледяным, почти безжалостным хладнокровием выставляет перед читателем эти жуткие детали, которые, казалось, навсегда погребены историей. Такое откровенное изображение насилия у многих вызывает физическое отторжение и провоцирует бурные дискуссии об «эстетике насилия». Однако сводить эти сцены лишь к погоне за кровавой сенсацией или к демонстрации писательской техники было бы, без сомнения, поверхностно. За столь тщательным и выпуклым изображением пыток у Мо Яня кроются глубокие культурные размышления и безжалостный допрос, обращённый к человеческой природе.

Он не воспекает насилие, а, препарировав его, пытается докопаться до корней его возникновения и показать, как оно уродует и калечит душу. В романе палач Чжао Цзя относится к пыткам как к настоящему «искусству». Он стремится не к быстрой смерти, а к тому, чтобы продлить жизнь осуждённого, заставляя его испытывать при этом невыносимые страдания. У этого «искусства» есть строгая процедура, изощённые инструменты и секреты, передающиеся из поколения в поколение. Оно превращает убийство из примитивного акта насилия в некий «культурный» ритуал, требующий особой техники и пронизанный зловещей обрядностью.

Эта изощённая жестокость — одна из самых чудовищных черт деспотической власти. Она показывает, что в условиях долгого господства авторитарного режима насилие перестало быть просто инструментом управления и проникло в самую глубинную структуру культуры, породив болезненную психологию, которую общество молчаливо принимает и которой даже втайне восхищается. В романе неистовое любопытство толпы, сбегаящейся поглазеть на казнь, как раз и отражает это коллективное бессознательное. Люди не сострадают жертве — они потребляют чужую боль, извлекая из неё извращённое удовольствие и острые ощущения. Такое равнодушие и жестокость леденят душу даже сильнее, чем сами пытки.

Описания пыток у Мо Яня призваны «клин клином вышибать». Экстремальным, жестоким способом он заставляет читателя посмотреть в лицо самой тёмной и варварской стороне истории. Он срывает благодные исторические покровы, чтобы показать, как власть поддерживает своё величие, причиняя невыносимую физическую боль. За этими мучительными для чтения строками кроется глубокое уважение к достоинству человеческой жизни.

Когда Сунь Бина подвергают сандаловой казни, его физические муки невообразимы. Но Мо Янь не позволяет повествованию увязнуть в смаковании боли: он возвышает Сунь Бина над страданием, вкладывая в его уста ещё более пронзительную песнь «кошачьей оперы». Эта духовная победа выставляет палачей ничтожными и жалкими. Разрушение плоти не способно покорить свободный дух — именно эту главную мысль и стремится донести Мо Янь. Изображая пытки как «зрелище» и «искусство», он отнюдь не приукрашивает их, напротив, развенчивает и подвергает беспощадной критике. Он показывает нам, что, когда насилие рядится в одежды «эстетики», его истинная природа становится ещё более зловещей. Это глубокое осмысление поднимает «Смерть пахнет сандалом» над уровнем обычного исторического романа и превращает его в выдающееся произведение, полное универсальных предостережений, которое заставляет нас задуматься о вечной битве света и тьмы внутри человеческой натуры.

Глава восьмая

Хитросплетения человеческой души и этические тупики

«Смерть пахнет сандалом» — это не только эпическое полотно, запечатлевшее бурные исторические катаклизмы, но и выдающееся исследование всей сложности человеческой природы. Ни один из персонажей романа не является одномерной маской. Мо Янь помещает их в предельно обострённую историческую ситуацию и неразрешимые нравственные дилеммы, срывая с них покровы морали, социального статуса и обычаев, чтобы обнажить тот первозданный, самый подлинный и при этом самый мучительный пейзаж души, где добро и зло, любовь и ненависть, верность и предательство, желание и рассудок переплетены в каждом человеке в единый нерасторжимый клубок. Это глубокое проникновение в потаённые уголки человеческой психики наполняет книгу колоссальным эмоциональным напряжением и философской глубиной.

Практически все центральные герои попадают в этические ловушки, из которых нет выхода. Сунь Бин — народный герой, поднявшийся против захватчиков, и его образ, бесспорно, овеян ореолом славы. Однако его преступная связь с невесткой Сунь Мэйнян заставляет его нести на себе тяжкий крест традиционной морали. Мо Янь не осуждает его за это — напротив, он с почти любующимся изумлением изображает эту связь как бурный выплеск жизненной силы, и уже это само по себе есть дерзкий вызов устоявшимся этическим нормам. Палач Чжао Цзя — бездушная машина для убийства, но в то

же время он оказывается обычным пожилым человеком, испытывающим тёплую привязанность к невестке и внуку. Когда же ему приказывают подвергнуть жесточайшей казни собственного свата, профессиональный долг и семейные узы вступают в его душе в жесточайшее столкновение. В итоге он выбирает первое — отстаивает свою «честь» «первого палача Поднебесной» — и этим выбором окончательно переступает последнюю грань человечности. Трагедия Чжао Цзя в том, что он оказался изуродован бесчеловечными «правилами», утратил способность к нормальным человеческим чувствам и нравственным оценкам.

Ещё более мучительны внутренние противоречия уездного начальника Цянь Дина. С одной стороны, он обязан хранить верность престолу и исполнять служебный долг, с другой — его личная совесть велит ему сострадать мятежнику Сунь Бину. Этот конфликт между «верностью» государю и «справедливостью» перед людьми — классическая душевная драма китайского интеллигента старой формации. Цянь Дин пытается нащупать некий срединный путь, однако безжалостная реальность не оставляет ему выбора. Его связь с Сунь Мэйнян вдобавок бросает его в мучительный водоворот между страстью и стыдом: он жаждет обладать ею и в то же время стыдится своего падения. В конце концов он предаёт собственный класс и встаёт на сторону народа, ценой собственной смерти искупая вину перед проснувшейся совестью. Что же касается Сунь Мэйнян, то её поведение — это радикальное ниспровержение всех традиционных представлений о женской добродетели. Используя своё тело как оружие, она лавирует между тремя мужчинами, и её действия со стороны выглядят распутными, однако движет ею одна-единственная цель — спасти любимого мужчину. За её внешней «неверностью» скрыта величайшая верность в любви. Именно через эти запутанные человеческие связи и этические коллизии Мо Янь разрушает примитивные дуальные схемы, обнажая многоликость и непредсказуемость человеческой природы. Он словно говорит нам: в подлинном человеческом мире не существует абсолютных праведников, как не существует и законченных злодеев. Каждый человек, движимый судьбой, страстями и чувствами, совершает свой выбор в конкретных обстоятельствах и в итоге неумолимо движется к собственному предназначению. Это уважение к сложности человека и глубокое её понимание — одна из величайших заслуг романа «Смерть пахнет сандалом».

Глава девятая

Память земли и притча о целом народе

Хотя действие «Смерть пахнет сандалом» разворачивается на северо-востоке Гаоми больше ста лет назад, темы, которые поднимает роман, перерастают конкретное время и место, превращаясь в глубокую притчу о нашем народе. Взяв родной край в качестве литературной вселенной, Мо Янь проникает в самые глубокие пласты исторической памяти и культурного кода этой земли, пытаясь разглядеть истоки формирования нашего национального

характера, а также осмыслить те страдания и ту славу, через которые мы прошли на пути модернизации. Первозданная, дикая, бьющая ключом жизненная сила, несгибаемый дух сопротивления перед лицом горя и одновременно тёмное невежество и жестокость, пронизывающие культурную кровь, — всё это вместе и составляет сложный, противоречивый портрет нашей национальной души.

Северо-восток Гаоми в романе — это весь Китай в миниатюре. Люди здесь, как и Сунь Бин, простодушны, чисты сердцем и кровно привязаны к родной земле. Веками они жили по заветам предков, почитали духов и исповедовали пусть примитивный, но искренний народный кодекс справедливости. Однако, когда под угрозой оказывается само их существование, в них просыпается та самая «удалая», почти былинная кровь. Восстание Сунь Бина, при всей своей суеверной и слепой природе, по сути было пронизано великой национальной правдой — защитить дом и страну. Именно такое народное патриотическое чувство на протяжении всей китайской истории служило самой глубинной силой, позволявшей отражать иноземные нашествия и не давать угаснуть пламени цивилизации. Когда Сунь Бин, уже пригвождённый к сандаловому колу, во весь голос запел «кошачью оперу», это был не просто акт личного героизма — это был несмиримый крик всего народа, которому выпало встретиться лицом к лицу с насилием и унижением. Его тело погибло, но дух его растворился в этой земле и стал частью вечной памяти.

Однако Мо Янь далёк от того, чтобы романтизировать и приукрашивать народную стихию. С не меньшей беспощадностью он обнажает и другую, теневую сторону национальной души: нездоровое, лихорадочное любопытство к пыткам и полнейшее равнодушие к чужой боли. Возбуждённая толпа зевак на лобном месте — это духовные наследники тех самых персонажей Лу Синя, что макали хлеб в человеческую кровь. Эта коллективная бессознательная жестокость и героизм суньбиновского толка образуют два противоположных, но одинаково подлинных полюса нашего национального характера. Вскрывая это противоречие, Мо Янь ведёт глубокую социальную и культурную рефлексию. Он задаёт вопросы: почему в нашей культуре одновременно рождаются великие герои и процветает такое повсеместное равнодушие и жестокость? Почему, желая сбросить гнёт, мы в то же время бессознательно поклоняемся власти и воспроизводим её? Эти вопросы и сегодня звучат отрезвляюще и грозно.

Финал романа с его катастрофической развязкой предвещает конец целой эпохи и мучительное рождение новой. Палач Чжао Цзя мёртв. Уездный начальник Цянь Дин мёртв. Герой Сунь Бин тоже мёртв. Старый порядок, старая этика, старые формы сопротивления — всё это исчезло вместе с их плотью. Но осталась жить Сунь Мэйнян, и она несёт в себе детей — и Сунь Бина, и Цянь Дина, — устремляясь в будущее. Это мощный символ: новая жизнь прорастёт на руинах, а память земли не прервётся. Этот роман — скорбная и величественная прощальная песнь, которую Мо Янь посвятил малой родине, и одновременно его глубокое раздумье о судьбе всего народа. Он напоминает нам: историческую боль нельзя забывать, а нравственный допрос

человека — прекращать. Только глядя прямо в лицо самым мучительным противоречиям и самым страшным воспоминаниям нашей культуры, мы сумеем по-настоящему понять, откуда мы пришли и куда направляемся. Именно в этом кроется главная причина, по которой «Смерть пахнет сандалом» и сегодня остаётся великой книгой, дарящей нам неиссякаемые прозрения.